

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ «ОЗНАЧАЕМОГО» КАК ПРОБЛЕМА ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Теоретический потенциал понятия превращенной формы может быть задействован при анализе отношения «означающее - означаемое», представляющее сегодня одну из ключевых оппозиций гуманитарной науки.

The theoretical potential of the concept of the changed form can be used in the analysis of the relation «the denoting and the denoted» which is one of the most important binary oppositions of humanitarian cognition.

Инвариантными темами постклассического социального теоретизирования выступают динамичная, трансформирующаяся природа социального объекта и возрастающая непредсказуемость его становления. Парадокс в том, что синергетические бифуркации возникают как следствие сознательно направляемых, управляемых процессов в обществе и культуре. В настоящее время социальное проектирование не испытывает недостатка ни в информационных ресурсах, ни в идеалах и идеологиях, ни в политических и экономических моделях. Следовательно, речь идет о «самодетельности» совокупного общественного продукта и его относительной независимости как от своих идейных проектировщиков, так и от практических воплощателей.

Обращение к феномену отчужденной социальности типично для современного обществознания. Это направление, по сути, представляет собой постклассическую версию интерпретации проблемы превращенной формы. Место активного, рационально действующего субъекта занимает очевидная неуправляемость надындивидуально складывающихся тенденций. В их числе - глобализация, дегуманизация, терроризм, постоянно усложняющаяся индустрия манипуляции сознанием. Широкое распространение в гуманитарных науках получает скептицизм в отношении «проекта Просвещения», исходящего из устройства общества на разумных, рациональных основаниях. Для постклассической рефлексии стало очевидным, что рационально спланированная целенаправленная деятельность продуцирует еще и иррациональные «прибавочные продукты». «Мы превратились в общество, управляемое событиями, просто идущее от инцидента к инциденту (даже от кризиса к кризису). Это общество практически не замечает процессов, лежащих в основе такого движения (или не желает над ними задумываться). Но лишь поняв основные процессы, эти направления перестройки, мы сможем понять смысл и причины отдельных событий»¹. Очевидно, что масштаб современных социокультурных преобразований значительно превосходит возможности их рационального осмысления, что наглядно репрезентируется рядом социально-философских концепций.

Постмодернизм, шумно претендующий на роль идеологического выразителя «духа времени», вполне адекватно отражает ряд важнейших атрибутов социокультурных трансформаций. Именно здесь феномен социальности, отчужденной от человека, предстает в наиболее радикальной форме. Гибель субъекта, «смерть автора», уничтожение референции «означающих», подрывающее их онтологический базис, погружает сущее в царство «пустых знаков», форм действительности, скрывающих свою пустоту, навязчиво симулирующих свою реальность. Отказывая в существовании любому проявлению всеобщего, постмодернистская теория признает только одну тотальность - тотальность симуляции.

Реальность культуры - символическая реальность. Вещи, люди, события приобретают в ее рамках системно продуцируемые значения. Вне системного качества последних, принципиально несводимого к материальному субстрату любого уровня (от текста до телесности), значащая функция теряет свою почву, подвергается релятивизации, попадая в зависимость от

языковых игр, капризов дискурса, а впоследствии и вовсе объявляется фиктивной. При этом отрицанию подвергается прежде всего всякая объективно существующая связь между телом знака и пространством его смыслополагания (независимая от сознания или сознаний). Такая связь и в самом деле существует в качестве теоретически постигаемого, но эмпирически неверифицируемого отношения - данной вещи ко всему иному и, напротив, всего иного к данной вещи. Для обозначения последнего выработана адекватная понятийная конструкция - категория всеобщего. Современная рецепция всеобщего имеет противоречивый характер. Обнаруживая имманентные социальному организму существенные и необходимые отношения, превращенные формы которых наполняют непосредственные социальные практики объективными смыслами, философы вновь обращаются к «вечным» вопросам. «Чтобы понять и оценить процесс глобализации в полной мере, необходимо задаться сугубо философским вопросом о том, что делает универсальное (в частности, некую универсальную связь между людьми) именно универсальным»².

Специфика постклассической рефлексии состоит в том, что в качестве объекта ей противостоит, во-первых, субъектно (и тем самым социокультурно) соотнесенный, во-вторых, исторически становящийся объект. Современный теоретический инвариант социальной реальности кристаллизуется в ходе диалектического снятия предшествующих установок: классического объективного «хода вещей самих по себе», неклассических интенций на субъективную скоррелированность объекта и, наконец, постклассического обращения к объективным детерминантам, имплицитно действующим внутри и посредством самой субъективности. Эвристические горизонты социально-философской «картины мира», конституирующейся в настоящее время, во многом зависят от преодоления эпистемологического барьера между вышеназванными парадигмами. Уяснению сути дела будет в значительной степени способствовать их взаимная теоретическая «конвертируемость». Вместе с тем жизненно необходимым для современной социально-философской теории является выход за пределы эволюции идей, подходов и текстов в пространство живых процессов социальных трансформаций, преобразующих как характер современного общества, так и теоретические предпосылки знания о нем.

Возникает вопрос, как, исходя не только из теоретической традиции, но и из реальной общественной практики, объяснить причины того, что означающие - символически функционирующие и системно организованные артефакты культуры в одночасье лишились связи с воспроизводящей их реальностью? «...Гибель природы (как идеальной отсылки к жизни) тесно связана с тем, что в анализе современного знака мы называем гибелью означаемого (реального объективного элемента, денотированной функции, "истины", мира как реального залога знака, то есть его золотого обеспечения: золото означаемого/референта исчезает (...), больше нет конвертируемости знака в его референциальную стоимость»³. При отмеченном подходе гарантировать реальность, внеположенную семиотическим системам, может только естественно существующее - в противоположность воспроизводимому человеческой деятельностью, стабильное - в противоположность динамичности социального и культурного. Таковыми отчасти являются и ценности традиционного общества, покоящиеся на устойчивом символическом фундаменте. Таким образом, имплицитная установка концепций, ставших на тропу войны с означаемым, состоит в том, что подлинностью, безусловно гарантирующей репрезентируемую реальность денотата, наделяется лишь природно-эмпирическая предметность (прямая аналогия с позитивизмом!) в противоположность «рукотворности» исторически преходящих и плюралистично сосуществующих социокультурных означаемых. Пре-

тензия на научность позитивистски истолкованных «фактов» не миновала социальную науку, «чей иммунитет был разрушен, как это ни парадоксально, несколькими поколениями позитивистской "методологии"»⁴. Итак, в постмодернизме (и не только в нем одном) онтологическая конвертируемость знака, основанная на непосредственной достоверности означаемого, оказалась подорванной именно ненаглядностью «виртуально» функционирующих, многократно опосредованных и исторически сменяющихся системных атрибутов. На наш взгляд, проблема идеального и его всеобщих функций, широко обсуждавшаяся отечественными обществоведами, способна пролить свет на парадоксальную ситуацию «растворения» реальности за пределами знаковых систем.

Любой социокультурный артефакт обретает свою определенность, «фактичность», лишь в контексте надындивидуально воспроизводимых форм человеческой деятельности - форм идеального. Еще Маркс указывал на объективно воспроизводимую иллюзию производности идеальных значений и функций от эмпирического тела означаемого предмета (фетишизм). Постмодернистская интенция прямо противоположна этой позиции, что, однако, не приближает ее к сути проблемы. Если фетишизация приписывает непосредственно вещной субстанции идеальные свойства означаемого ею, то постмодернизм усматривает за предметностью знака лишь бесконечное многообразие чередующихся значений и контекстов, ни один из которых не может быть признан подлинным.

Логика «распредмечивания» культурного артефакта структурно гомогенна преодолению непосредственности научных парадигм в постпозитивизме. Феноменальность знаков и их систем, конечно же, прямо не сводима к субстанциональным отношениям означаемого. Напротив, знак способен затемнять или маскировать и эту субстанцию, равно как и механизмы своего собственного генезиса, выступая в качестве превращенной формы.

Постмодернистская методология схватывает действительное обстоятельство плюрализма культурно-исторически становящихся значений, однако игнорирует при этом его социально-онтологический базис. В ситуации общественных трансформаций, когда связь означаемого с означающим утрачивает не только непосредственность, но и устойчивость, демонстрируя свою включенность в общую социокультурную динамику, смысловой референт знака перестает быть абсолютным. Постепенное постижение его относительности, историчности и контекстуальности провоцирует заключение, что сам по себе знак пуст. Именно на основании этого реального обстоятельства постмодернисты делают вывод об имманентной симулятивности знака.

Взятый сам по себе знак действительно пуст, свое значение он обретает во всеобщем системном контексте надындивидуально воспроизводимых форм социальной деятельности и общения. Динамика означающих в рамках исторических трансформаций порождающих их систем общения и создает эффект «исчезновения» субстанциональности в оговоренном выше смысле.

Проблема объективного существования значений и смыслов, внеположенных чувственно-эмпирическому бытию предметов, ставилась в бесконечно разнообразных формах с момента зарождения рефлексирующего отношения к окружающему миру. Именно она послужила фундаментом философских систем Платона и Гегеля. Закономерность воспроизводства идеального (т. е. несводимого к своим объективациям универсального плана социального семиозиса) представляет несомненную актуальность для современной гуманитарной науки. «Идеальное в качестве реальности культуры превращает последнюю в новый, отличный от природы вид бытия. Проблема идеального буквально заморозила исследователей тем, что под ее именем были открыты формы человеческой деятельности, которые, с одной стороны, предстают как объективно существующие феномены соз-

нения, получившие название объективных мыслительных форм, и с другой - в виде таких вещей, предметностей, для которых всякое воплощение являлось лишь *формой*, а содержанием выступал некий смысл, значение этой вещи»⁵. Именно преодоление «естественной» установки и осмысление социальной конвертируемости значащего спасает семиотические системы от онтологического опустошения. Релятивизму произвольного чередования возможных контекстов, точек зрения, позиций противостоит выявление имманентных закономерностей в рамках эволюции социально формируемых значений.

При таком подходе непосредственная феноменология социального мира существует именно как форма, предполагая в качестве своей субстанции всеобщность смыслообразующего уровня. Принципиальная ненаглядность, «виртуальность» субстанции, провоцирует попытки ее сведения к тем или иным эмпирически верифицируемым субстратам. Бинарная оппозиция реализма и номинализма распространяет свое влияние далеко за пределы средневековой схоластики. Однако «общее есть не уединенная и от всего иного изолированная структура, но она есть *Закон*, повелительно указывающий на протекание всего соответствующего единичного»⁶. Это общее «является даже, больше того, именно *законом* получения всех этих единичностей»⁷. Уяснение природы этой загадочной власти всеобщего над своими формами необходимо ведет к понятию превращения и превращенности. Идеальное существует именно как закон, внутренний принцип функционирования, превращенный в своих единичных носителях, которые, как неоднократно подчеркивал Э.В. Ильенков, сами по себе (т. е. вне системно-социального контекста) не содержат ни грана тех свойств, за субстанцию которых их обычно принимают. «Определение идеального, таким образом, сугубо диалектично. Это то, чего нет и вместе с тем есть, то, что не существует в виде внешней, чувственно воспринимаемой вещи и вместе с тем существует как деятельная способность человека»⁸. «Идеальное есть (...) бытие одного предмета в другом и через другое, как выражал такую ситуацию Гегель»⁹. «Непосредственно идеальное осуществляется в символе и через символ, т. е. через внешнее, чувственно воспринимаемое, видимое или слышимое тело слова. Но данное тело, оставаясь самим собой, в то же время оказывается бытием другого тела и в качестве такового - его "идеальным бытием", его значением, которое совершенно отлично от его непосредственно воспринимаемой ушами или глазами телесной формы»¹⁰. «Если же сию вещь реально изъять, "исторгнуть" из системы, она утрачивает свою роль - значение символа (...) следовательно, ее существование и функционирование в качестве символа принадлежали не ей как таковой, а лишь той системе, внутри которой она приобретает свои свойства»¹¹. В свою очередь, всякая системно-социальная целостность действительна лишь через воспроизводство и функционирование множеств своих символических носителей, превращенных форм. Историческое изменение характера общественного воспроизводства необходимо влечет изменение имманентных ему форм, смыслов и значений.

Лавинообразная инфляция означающих, посредством которой часто характеризуют современную социокультурную ситуацию, производна от реальной тенденции глобализации и одновременной дифференциации системных контекстов общественной практики современного человека. Если в традиционном обществе человек имел дело с ограниченным кругом устойчивых норм и значений, то современность с ее становящимся на глазах всемирно-историческим характером социального общения, трансформацией социальных структур, сопутствовавших индустриализму, в качественно новые структуры информационного общества продуцирует множество разнонаправленных систем смысловых контекстов.

Интеллектуальное движение, направленное на отрицание «деспотизма» всеобщих структур, акцент на их историчности, контекстуальности и неустойчивости - рефлексивный симптом, превращенная форма смены субстанциональных оснований общественных отношений. Констатируя исчерпание современностью творческих потенциалов своего развития, постмодерн не замечает рождения качественно новых социальных форм, структур и соответствующего им нового «логоса», ограничиваясь деконструкцией и демонтажем авторитетов прошлого. Объявив непримиримую войну любому возможному «центризму», постмодерн категорически отказал в праве на существование всякому проявлению всеобщего, необходимого и объективного. Однако то, что выгоняют в двери, имеет обыкновение возвращаться через окно.

Тема власти и властных отношений очень репрезентативна не только для постмодернизма, но и в целом для современного мировосприятия. Открытие символического характера отношений власти распространяет ее действие далеко за пределы политических и правовых институтов. «Очаги» власти вездесущи, ее влияние тотально, неуловимо и даже в какой-то степени мистично. Парадоксально, что именно высокотехнологическое, информационное (и информированное) общество преуспело в фетишизации собственных отчужденных социальных сил. Однако и властный дискурс оказывается подверженным внутренним (объективным?!) коллизиям. «Колоссальные энергии задействуются... чтобы избежать brutальной десимуляции, которая обрушилась бы на нас при столкновении с очевидной реальностью радикальной утраты смысла»¹. Утрата смысла есть нечто иное, как постепенная утрата легитимации современного типа социальной организации, требующая замены существующих форм коммуникаций на принципиально иные. Ощущение внутренней пустоты и призрачности репрезентирующих коммуникативные смыслы форм, расшатывание онтологической почвы общественных взаимодействий - рефлексивно схваченный симптом кризиса существующего типа социальности. Подобную ситуацию, скорее всего, имел в виду Гегель, говоря о том, что сова Минервы появляется в сумерках...

Феномен эмансипации означаемых, ставший визитной карточкой постмодернизма, представляет собой превращенную форму многократно опосредованных и динамично трансформирующихся социальных отношений информационной эпохи. Такая форма возникает вследствие взаимного наложения связей сложной системы, при которой действительные отношения не предстают рефлексии с непосредственностью, вместе с тем подобное превращение - это собственная с необходимостью воспроизводимая функция самой системной организации. Превращенная форма маскирует свою субстанциональность, являя собой в действительности ее инобытийную форму. Данный превращенный тип связи распространяется и на взаимоотношение означаемых и означающих на всех уровнях социокультурного семиозиса.

¹ Нейсбит Д. Мегатренды. М., 2003. С. 9.

² Акшерев А. Философия глобализации // Настольная книга антиглобалиста: Сб. М., 2004. С. 5.

³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003. С. 227.

⁴ Бурдье П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. 2002. Ч. 2. С. 400.

⁵ Федотова В. Информационное общество и книги для элит и масс // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М., 2001. С. 226.

⁶ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 64.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ Ильенков Э. В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Философия и культура. М., 1991. С. 218.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. С. 281.

Поступила в редакцию 21.04.05.

Вера Анатольевна Белокрылова - младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.